

Э. Д. Сулейменова

ВИТАЛЬНОСТЬ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ (Статья вторая)

Проблема витальности казахского языка, фактически полностью вытесненного за годы советской власти за рамки официально-политической коммуникации, приобрела чрезвычайно важное значение в связи с обретением им статуса государственного языка. *Можно ли в таком контексте говорить об угрозе витальности казахского языка и в чем она проявляется? Существуют ли объективные способы измерения витальности языка и можно ли их применить к казахскому языку? Наконец, можно ли с помощью государственной языковой политики усилить витальность казахского языка и насколько эффективны мероприятия, осуществляемые в рамках новой языковой политики в Казахстане как объективная основа сознательного изменения витальности государственного казахского языка?*

На часть общих вопросов даны ответы в первой статье данной серии, на некоторые другие попытаюсь ответить во настоящей и третьей статьях.

Среди параметров витальности имеются объективные и субъективные, относящиеся к общей жизнеспособности языка и связанные с конкретными обстоятельствами функционирования казахского языка.

Витальность казахского языка определяется поэтому тем, оценивается ли существующее положение казахского языка как благополучное vs. конфликтное, как определяется статус казахского языка и какая программа совершенствования казахского языка санкционируется государством. В одних случаях показателям витальности казахского языка может быть дана количественная характеристика (например, по социально-демографическим или социально-функциональным признакам), в других – общая оценка языкового состояния с учетом принципов языковой политики в новых исторических и геополитических условиях Казахстана, в третьих – описательная характеристика усилий государства по увеличению степени витальности казахского языка. Для полной характеристики зависимости жизнеспособности казахского языка от вышеобозначенных факторов необходимо также учитывать и самые общие параметры социолингвистической ситуации: количество языков в Казахстане, распределение

общественных функций между двумя большими языками-партнерами – казахским и русским языком, территориально-социальные взаимоотношения языков *etc.*

Не стремясь дать полный очерк всех показателей витальности казахского языка, сгруппированных как социально-политические, социально-демографические, собственно-лингвистические, социально-функциональные, национально-культурные показатели, остановлюсь лишь на некоторых ее признаках.

Социально-политические показатели витальности казахского языка: осуществление целенаправленной языковой политики в области статусного планирования, корпусного планирования и планирования усвоения и распространения языка; действенность государственных программ осуществления языковой политики; государственная деятельность по созданию и развитию социальной инфраструктуры полноценного функционирования языка (образовательные учреждения всех уровней, органы печати, радиосеть, телекомпании и телепрограммы, книгоиздание и т.п.) *etc.*

Языковая политика в Казахстане является концентрированным выражением отношения государства к проблеме жизнеспособности казахского языка во всей совокупности ее проявлений, и это позволяет получить достаточно четкое представление об основных тенденциях и успехах статусного и корпусного планирования государственного языка в Казахстане за годы независимости.

Совершенствование языковой ситуации в Казахстане было начато с юридического регулирования функционального статуса языков, при этом особенностью казахстанских Законов о языках является их полисубъектный характер, поскольку данные законы устанавливают порядок регулирования не только для языка титульной нации, но и для русского и других языков Казахстана. Действующая в стране «Концепция языковой политики Республики Казахстан» [Казахстан... 1999: 30-38] и разработанные в соответствии с ней Государственные программы функционирования и развития языков [Государственная 1998; Государственная 2001; Государственная 2011] построены с соблюдением «функционального принципа фор-

мирования лингвистического поля в республике» и направлены на осуществление языкового строительства по трем стратегическим направлениям: расширение и укрепление социально-коммуникативных функций государственного языка; сохранение общекультурных функций русского языка; развитие других языков народов Казахстана. Помимо этого существенно изменилось и само понятие государственности языка («язык государственного управления, законодательства, судопроизводства, действующий во всех сферах общественных отношений на всей территории государства, ...важнейший фактор консолидации народов Казахстана»), которое предопределило главное направление языкового регулирования – сознательное и целенаправленное создание условий для выполнения казахским языком тех функций в общественно-значимых сферах, которые ранее были заняты русским языком.

Придание казахскому языку статуса государственного содействовало созданию ситуации благоприятствования, стимулирования языковой нормализации, урегулирования функциональных взаимоотношений между казахским и русским языком, восстановления функционирования казахского языка в необходимом объеме в общественно значимых сферах, положительной эволюции социолингвистической ситуации и языкового состояния в республике.

Изменения в языковой политике, социально-политические и культурные преобразования в Казахстане сказались не только на функционировании, но и на корпусе казахского языка. Широкое и регулярное использование казахского языка в публичной политической речи, рекламе, распространение научно-технических знаний стимулировали быстрые и наглядные изменения в нем: проводятся мероприятия по модернизации казахского языка, нормализации и унификации терминологии, устранению заимствований, пополнению словаря за счет общетюркской и диалектной лексики, перевода казахских слов из пассивного словаря в активный, а также за счет создания новых слов по имеющимся моделям и с помощью средств самого казахского языка. Кроме того, ведется планомерная работа по пропаганде языковых знаний, в которую включились средства массовой информации, отражающие сознательные и стихийные процессы практической работы по нормализации казахского языка, которая в целом может быть охарактеризована как борьба за функции и сферы использования, благо-

приятное сочетание которых необходимо для его полноценного существования.

Однако, несмотря на придание казахскому языку статуса государственного, разработку различных программ и механизмов, направленных на реализацию основных направлений языковой политики, недостаточное материальное и практическое обеспечение процесса выравнивания функциональных типов и сфер использования казахского языка, а также инерционная «заданность» языковой ситуации во многом снижают требуемую эффективность предпринимаемых усилий, и статусное планирование казахского языка как государственного продолжает опережать его корпусное строительство.

Социально-демографические показатели vitality казахского языка: абсолютное число носителей языка; отношение числа носителей данного языка к числу других языковых коллективов; отношение числа носителей данного языка к общей численности этнической группы; отношение числа носителей данного языка среди младшего поколения к общей численности этнической группы; отношение числа билингов и молингов – носителей данного языка как родного; типы и характер массового двуязычия; межпоколенная трансмиссия, или передача языка от поколения к поколению; компактность/дисперсность проживания; наличие/отсутствие массовой билингвальной диглоссии со сниженной формой владения данным языком как возможная причина возникновения процессов его пиджинизации *etc.*

Именно показатели vitality казахского языка данной группы оказываются неоднозначными и требующими особого внимания.

Абсолютное число носителей казахского языка. Казахский язык – автохтонный язык титульного этноса Республики Казахстан, распространен также на территории сопредельных государств – в Кыргызстане, Узбекистане, Российской Федерации, Туркменистане, Афганистане, Иране, Китае, Монголии, Пакистане, Турции и других странах. Численность и удельный вес казахского этноса по отношению к общей численности населения Казахстана менялись значительным образом (Таблица 1).

По количеству носителей, зарегистрированных в переписях и иных официальных источниках, среди языков мира казахский язык в 2007 году занимал 93, в 2011 занял 87 место [<http://www.sil.org/ethnologue>]. Еще в начале 90-х годов казахский язык был зарегистрирован

среди 4% языков мира с числом носителей более миллиона [The Enciclopedia 1992].

В последней переписи населения Республики

Казахстан 2009 года приведены следующие показатели владения казахским языком (Таблица 2) [Перепись 2010: 81].

Таблица 1

Динамика численности казахов

Годы	Абсолютная численность	Доля, %
1897	3392,7	81,7
1926	3627,6	58,5
1939	2327,6	37,8
1959	2787,3	30,0
1970	4238,4	32,6
1979	5293,4	36,0
1989	6496,9	40,1
1999	7985,0	53,4
2009	10096,7	63,1

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т.8. Казахская АССР. – М., 1928; Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. – Алма-Ата, 1992; Статистический 1991; Қазақстан 2000; Национальный 2000; Итоги 1996; Демографический 1996: 56-58; Национальный 2000; Перепись 2010.

Таблица 2

Степень владения казахским языком в возрасте 15 лет и старше (%)

	Понимают устную речь	Свободно пишут и читают
Всего	74.0	62.0
Казахи	98.4	93.2
Русские	25.3	6.3
Узбеки	95.8	61.7
Украинцы	21.5	5.2
Уйгуры	93.7	60.8
Татары	72.6	33.7
Немцы	24.7	7.9
Корейцы	43.5	10.5
Турки	91.0	43.4
Азербайджанцы	81.3	43.2
Белорусы	19.0	4.8
Дунгане	49.7	16.0
Курды	77.5	37.1
Таджики	89.4	49.5
Поляки	20.9	6.6
Чеченцы	56.4	21.4
Кыргызы	92.7	62.6
Другие этносы	42.2	15.9

Интересно, что перепись 2009 года представляла идеальную картину владения казахским языком казахами старше 15 лет, т.е. в таблице не учтено владение казахским языком детьми (включая старшие классы). Показатели владения

казахским языком детьми, без сомнения, должны быть выше.

Однако полученные в переписи 2009 года данные о владении казахским языком не вполне коррелируют с более ранними. Сведения о

количестве носителей казахского языка в самом Казахстане и мире противоречивы, и это объясняется рядом причин: отождествляются данные о количестве этнических казахов и о количестве говорящих на казахском языке, отсутствуют точные данные о количестве казахов, не говорящих на языке своего этноса, противоречивы данные об общем количестве билингов с казахским как первым и казахским как вторым языком *etc.* Приведу данные некоторых социолингвистических исследований:

- исчисление данных переписи 1989 г. по формуле Б. Сильвера, осуществленное Хо Сун Чхолом, показало, что степень двуязычия казахов, проживавших еще в СССР, составляла всего 60,3%, а применение понятия доминирующего языка при двуязычии к классификации Б. Силвера [Silver 1975], позволило распределить носителей казахского языка по отношению к русскому следующим образом: 36,9% – неассимилировавшиеся монолингвы, говорящие только на казахском языке; 60,05% – неассимилировавшиеся билингвы с доминирующим казахским языком; 0,25% – неассимилировавшиеся билингвы с доминирующим русским языком; 2,13% – ассимилировавшиеся монолингвы-казахи, говорящие только на русском языке [Хо Сун Чхол 2000: 381-391];

- по мнению А.Н. Баскакова, доля казахов, владеющих литературной формой родного языка, в начале 90-х не превышала 20-25% [Баскаков 1991: 20-21], в другой работе автор отмечает, что часть сельского населения Казахстана не только пользуется просторечными и диалектными формами родного языка, но и не знает русского языка [Баскаков 1992];

- из 8 млн. говорящих на казахском языке, по данным Б. Граймса, приблизительно 6,5 млн. проживают в Казахстане, из них 98% говорят на казахском как на первом языке [Grimes 1992];

- в 1994 г., по сведениям К. Мусаева, в Казахстане на казахском языке говорили около 8 млн. человек [Мусаев 1998: 13-15];

- по данным 1996 г., только 51,1% всего населения страны владели казахским языком, а число владеющих русским языком было в 2,4 раза выше, однако при этом порог владения казахским языком определялся как «свободно говорю, читаю, пишу». Однако в расчетах М. Аренова и С. Калмыкова казахи-билингвы, которые «говорят, читают, но не могут писать» (14,4%), «понимают и с трудом могут объяснить» (6,2%), «понимают, но не могут говорить» (2,9%), «только читают текст со словарем» (0,8%), присоединены к тем, кто вообще

не владеет казахским языком (1,0%), так еще 25,3% казахов попадали в число тех, кто не владеет казахским языком [Аренов, Калмыков 1997а: 21-22];

- в 1998 г., согласно Х. Бушетону, говорящих на казахском языке в Казахстане было 7,3 млн. [Voeschoten 1998: 13-15];

- А. Кайдар приводит следующие данные: 15% казахов совсем не владеют, 25% слабо владеют; 60% казахов владеют казахским языком [Кайдар 1999: 7];

- по официальным данным переписей и статистических сборников, казахов, считающих казахский язык родным, в 1970 г. насчитывалось 98,0%, в 1998 г. – 97,0% [Итоги... 1973: 9; Население... 1990: 37], в 2009 г. – 98,4% понимают устную речь, 93,2% свободно пишут и читают [Перепись 2010].

Противоречивость данных об абсолютном числе носителей казахского языка свидетельствует не только о сложности фиксации данного показателя витальности, но и о неоднозначном характере распространения его в пределах казахского этноса, а также о непропорциональном отношении носителей казахского языка к числу русского языкового коллектива.

Следует особо подчеркнуть, что при общем росте числа казахов процент говорящих на казахском языке (как родном) по отношению к общей численности этнической группы казахов продолжают оставаться низкими, что, безусловно, является тревожным симптомом еще не закончившегося кризиса витальности казахского языка.

Немаловажным диагностическим показателем витальности казахского языка данной группы является также *количество носителей казахского языка как родного среди младшего поколения*. Приведем данные прежних лет: в 1997 году казахстанские дети общаются на казахском – 25%, русском – 45,8%, на казахском и русском – 6,4%; более 32% казахских родителей обучают своих детей в казахских школах, 42% – в средних, и 43,3% – в высших учебных заведениях [Аренов, Калмыков 1997а: 27]; «...число детских дошкольных организаций (с государственным языком обучения) сокращается. Их количество к 2000 г. не превышало 25% (1158) от общего числа аналогичных организаций в целом по стране. Таким образом, из сферы государственного регулирования языковых отношений выпадает поколение, отличающееся наибольшей лингвистической восприимчивостью» [Государственная... 2001: 3]; массовое анкетирование граждан Республики

Казахстан, проведенное в 2005 году, позволило установить, что свободно владеют казахской речью 93,3% молодых (до 35 лет) респондентов-казахов, трудности в общении испытывают 6,1%; зафиксирована высокая и средняя (уровень A1, B1, C1, D1 и A2, B2, C2, D2) казахская языковая компетенция у 97% молодых (16-25 лет) респондентов-казахов [Сулейменова 2010]. Считать приведенные данные свидетельством благополучия витальности казахского языка по данному критерию вряд ли допустимо. Мы можем лишь констатировать, что формируется отчетливая тенденция зависимости уровня владения казахским языком от возраста: молодые казахи в целом лучше владеют казахским языком, чем их родители.

К рассматриваемой группе показателей витальности казахского языка относится и отношение числа билингов и монолингов – носителей данного языка как родного; типы и характер массового двуязычия (казахско-русского и русско-казахского).

Из всей совокупности собственно-лингвистических показателей витальности этой группы остановлюсь *на типах и характере массового двуязычия*, соотношении казахско-русского и русско-казахского двуязычия и наличии массовой билингвальной диглоссии со сниженной формой владения казахским языком.

Не описывая множество упрощений в теории двуязычия (положение о гармоничном национально-русском двуязычии, обязательное взаимообогащение родного и русского языка, принцип паритетности национально-русского и русско-казахского двуязычия, игнорирование проблемы сохранения одного из языков при массовом и длительном двуязычии, существование корреляции между языками и культурами и проч.) и связанной с этим государственной языковой политикой, проводившейся в Советском Союзе, отмечу, что именно в тех условиях и возникли сдвиги в отношениях между казахским и русским языками. Этническая, культурная и языковая принадлежность к народу ока-

залась для какой-то части населения формальной, а знание родного языка – пассивным. Падение престижа родного языка привело в известной части к падению престижа нации, ее истории и культуры. Часть казахского населения для внутриэтнического общения стала использовать русский язык. Казахский язык оказался вытесненным из сферы публичного официального и делового общения. Провозглашенный официальной языковой политикой принцип паритетности на практике обернулся снижением 'функционального здоровья' и 'коммуникативной мощности' казахского языка¹.

Именно в таких условиях и сформировались устойчивые языковые привычки казахского населения, которые до сих пор препятствуют расширению функций родного языка и выходу его из сферы бытового (семейного) общения. Сегодня приходится признать, что по-прежнему на фоне массового казахско-русского двуязычия, которое не может быть коммуникативным противовесом в единой коммуникативной среде русско-казахскому двуязычию, часть казахского городского населения, не владеющая литературной формой родного языка, ограничивается при общении разговорной или просторечной формой казахского языка.

Именно эта группа может быть охарактеризована как группа 'высокого риска', поскольку именно в ней наиболее возможным оказывается преобладание диглосно-билингвальных сочетаний, типа 'казахский разговорный – русский литературный язык', 'казахское просторечие – русский литературный язык' и т.п. Для языкового планирования выравнивания функциональных типов казахского языка по отношению к русскому языку чрезвычайное значение приобретает учет билингвально-диглосных отношений, особенно в области образования, определение того, действительно ли существуют пиджинизированные или креолизированные формы казахского и русского языка, а также анализ региональных особенностей распределения диглосно-билингвальных сочетаний.

¹ Смена приоритетов и стратегических направлений языковой политики привела к изменению у некоторых авторов понятий «языковая экспансия», «языковой империализм», «глоттофагия», «языковой геноцид» или «лингвоцид» с одной стороны, и «языковой нигилизм», с другой [Нерознак 2002: 6; Сулейменова 2007]. Если ранее посредством «языковой экспансии» повсеместно распространялся русский язык, то сегодня под языковой экспансией, в частности, понимается «стремление распространять свой язык путем объявления его государственным на чужую языковую общность» [Михальченко 1994: 20]. Вместе с тем можно встретить и иное мнение: «экспансия русского языка продолжается во всех республиках Российской Федерации и было бы странно увидеть здесь какой-либо иной процесс. При «языковом нигилизме», который может рассматриваться как крайнее проявление утраты языком витальности, этнические, демографические или социальные группы отказываются от родных языков и переходят на другие языки» [Баскаков 1994: 171].

Весьма существенной для витальности казахского языка является дисперсность или компактность проживания самого казахского этноса. Казахский этнос, рассредоточенный на громадной территории, находится в регулярном языковом взаимодействии с коммуникативно сильным русским языком, сохраняющим из-за инерционности коммуникативных привычек и навыков общения свою престижность и привлекательность. Это позволяет расценивать данный фактор как *неблагоприятный* для витальности казахского языка.

Приведенные данные, в первую очередь, необходимо оценивать как показатели *разрушения языкового коллектива и разрыва языковой и культурной традиции*: казахский языковой коллектив, расщепившись по поколениям, перестал быть однородным, а межпоколенная трансмиссия культуры и языка стала затруднительной и прерывистой (если в течение предыдущих нескольких десятков лет общение поколений было затруднено из-за незнания старшими русского языка, то сейчас в городе складывается ситуация, когда родители, не владеющие казахским языком, не могут общаться на родном языке с детьми, обучающимися в казахских детских садах и школах).

Применительно к казахскому и русскому языкам, занимающим общее коммуникативно-функциональное пространство в пределах трех крупных сфер – общественной, бытовой и художественной, следует сказать, что, если охарактеризовать оба языка с точки зрения набора функций в пределах этих сфер, то получатся малоразличающиеся характеристики¹. Безусловно, оценка функциональной мощности казахского языка применительно только к казахскому населению, а русского языка применительно к русскому населению республики является недостаточно информативной.

Для получения объективной картины языкового состояния в стране следует рассматривать территориально-социальные взаимоотношения и функциональное взаимодействие не только самих языков (казахского и русского), но и оценивать функционирование русского языка и сферы его использования в рамках казахско-русского двуязычия, и наоборот, – *функционирование казахского языка и сферы его использования в границах русско-казахского двуязычия*.

Именно при таком подходе ощутима положительная динамика функционирования казахского языка: устойчиво расширяется применение государственного языка в таких сферах, как государственные органы, образование, средства массовой информации, культура и искусство, т.е. тех сферах, в которых в большей мере возможна государственная поддержка. На том же уровне, где предпочтения в выборе языка менее регулируемы и определяются стихийно (бытовое обслуживание, торговля, здравоохранение, транспорт) наблюдается снижение степени его распространения [Аренов, Калмыков 1997б: 29]. Вместе с тем информационное обеспечение государственного управления практически до сих пор обходится без казахского языка. Многие языки, к сожалению, среди них находится и казахский язык, неспособные оперативно внедриться в интернета и новые средства массовой информации, сегодня 'проигрывают' более успешным языкам.

Важнейшим социально-функциональным показателем витальности казахского языка являются *сферы его использования*. Действительно, если язык перестает использоваться в семейно-бытовой сфере, он умирает. Но для полноценного существования языка недостаточно, чтобы он функционировал только в одной бытовой сфере, сколь важной бы она ни была. Вместе с тем есть сферы использования языка, являющиеся своего рода индикаторами его 'функционального здоровья'. Язык может не использоваться в качестве языка-посредника любого ранга, но для сохранения своей функциональной полноценности он обязательно должен быть языком обучения, языком массовой информации, деловым языком, языком публичного общения etc.

Особенно наглядно неравномерное распределение общественных функций между казахским и русским языками проявляется при анализе их как *языков обучения и преподавания*. Несмотря на то, что общее количество школ с казахским языком обучения постепенно растет, их распределение по схеме 'город – село' остается неравномерным. Излишняя политизированность и тенденциозность образования в прошлом инерционно продолжает сказываться и сегодня, в то время как приоритеты новой языковой политики в каждом регионе страны

¹ В 1987 г. Б. Хасанов отмечал, что из 22 общественных функций казахского и русского языков девятнадцать функций совпадают, а в 1992 г. говорил, что казахский язык представлен в 72, а русский – в 85 сферах общения [Хасанов 1987, 1992: 5].

ставят особые задачи, обусловленные историческими, экономическими, культурными и языковыми реальностями.

Приведенные факты рисуют картину сложного софункционирования казахского и русского языков и его отражении на витальности казахского языка: а) с точки зрения принадлежности к этносу снижение витальности казахского языка привело к языковому сдвигу и переходу части казахского народа на русский язык при сохранении национального самосознания и идентификации себя с этнической общностью или к использованию русского языка как средства внутриэтнического общения частью городского казахского населения; б) с точки зрения существования языка снижение витальности казахского языка до сих пор проявляется как нарушение соотношения между количеством владеющих казахским языком и общей численностью этнической группы казахов, широкое распространение казахско-русского (но не русско-казахского) двуязычия, незначительное количество монолингвов-казахов, владеющих только казахским языком; в) с точки зрения заполненности общего коммуникативного пространства сохраняется диспропорция в пользу использования русского языка в сфере публичного и делового общения, науке, средствах массовой информации, образовании.

1. Аренов М.М., Калмыков С. (1997а и 1997б) Современная языковая ситуация в Республике Казахстан. По результатам социологического исследования // «Саясат». Информационно-аналитический бюллетень. – Алматы, №1 – №2
2. Баскаков А.Н. (1991) Некоторые замечания по поводу законов о языке // Русский язык в СССР – Москва, №4
3. Баскаков А.Н. (1992) Социолингвистический анализ языковой ситуации в регионе Средней Азии и Казахстана – Нукус
4. Баскаков А.Н. (1994) Типы языковых конфликтов в регионе Средней Азии и Казахстана // Язык в контексте общественного развития. – Москва
5. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т.8. Казахская АССР. – М., 1928
6. Государственная (1998) Государственная программа функционирования и развития языков // Қазақстан Республикасындағы тіл саясаты. Языковая политика в Республике Казахстан. Сборник документов. – Астана
7. Государственная (2001) Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы // «Казахстанская правда», 17 февраля
8. Государственная (2011) Государственная программа функционирования и развития языков на 2011-2020 годы // Проект <http://www.kazpravda.kz/pdf/july10/290710bd.pdf>
9. Демографический (1996): 56-58;
10. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. (1973) – Т.4. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. – Москва
11. Қазақстан Республикасы (1999) тіл саясатының тұжырымдамасы // Қазақстан Республикасындағы тіл саясаты. Құжаттыр жинағы. – Астана
12. Қазақстан Республикасы (2000) халқының ұлттық құрамы. Қазақстан Республикасындағы 1999 жылғы халық санағының қорытындылары. – Т. 2. – Алматы
13. Михальченко В.Ю. (1994) Языковые проблемы Содружества Независимых Государств // Язык в контексте общественного развития. – Москва
14. Михальченко В.Ю. (1992) Проблема витальности языков малочисленных народов России // Языковая ситуация в Российской Федерации. – Москва
15. Мусаев К. (1998) История казахского языка // «Қазақстан жоғары мектебі» – Алматы, №5
16. Нерознак В.П. (2002) Языковая ситуация в России: 1991-2001 годы // Государственные и титульные языки России. – Москва
17. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги – Агентство Республики Казахстан по статистике – Астана, 2010
18. Солнцев В., Михальченко В. (2000) Введение // Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. – Книга 1. – Москва
19. Статистический сборник по отдельным показателям всеобщих переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. – Алма-Ата, 1992
20. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. (2007) Әлеуметтік лингвистика терминдерінің сөздігі // Словарь социолингвистических терминов. – Алматы: Арман-ІІВ
21. Сулейменова Э.Д. (2010) Языковая компетенция и полиязычие // Динамика языковой ситуации – Алматы
22. Хасанов Б.Х. (1987) Казахско-русское двуязычие. – Алматы
23. Хо Сун Чхол (2000) Языковая ситуация в России и других новых независимых государствах бывшего СССР. Анализ данных Всесоюзной переписи населения 1989 г. // Языки Российской Федерации и нового Зарубежья. Статус и функции. – Москва
24. The Encyclopedia (1994) of Language and Linguistics. Asher, R. E. ed. Oxford: Pergamon Press
25. Boeschoten, H. (1998) The Speakers of Turkic Languages // The Turkic Languages. – Ed. By L. Johanson & E. A. Csato. – London, New York
26. <http://www.sil.org/ethnologue>
27. Grimes, B.F. (ed. 1992) Ethnologue: Languages of the World. Dallas, Texas: Summer Institute of Linguistics
28. Silver, B. (1995) Methods of Deriving Data on Bilingualism from the 1970 Soviet Census. In Soviet Studies, vol. 27, No. 4.